

С Е Р И Я

С О Ц И А Л Ь Н А Я

Т Е О Р И Я

ESSENTIAL
CONCEPTS
IN SOCIOLOGY

ANTHONY GIDDENS
PHILIP W. SUTTON

Second Edition

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ В СОЦИОЛОГИИ

ЭНТОНИ ГИДДЕНС
ФИЛИП САТТОН

Перевод с английского
ЕЛИЗАВЕТЫ РОЖДЕСТВЕНСКОЙ
СТАНИСЛАВА ГАВРИЛЕНКО

*Издательский дом
Высшей школы экономики*
МОСКВА, 2018

УДК 316
ББК 60.5
Г46

Составитель серии
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Научный редактор
СТАНИСЛАВ ГАВРИЛЕНКО

Дизайн серии
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Гидденс, Э., Саттон, Ф.

Г46 Основные понятия в социологии / пер. с англ. Е. Рождественской, С. Гавриленко; под науч. ред. С. Гавриленко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. — 336 с. — (Социальная теория). — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-1525-9 (в пер.). — ISBN 978-5-7598-1805-2 (e-book).

Социальная жизнь постоянно меняется, и социология не может позволить себе стоять на месте. Сегодня эта дисциплина необычайно разнообразна в теоретическом отношении, охватывает множество тем и использует обширный методологический инструментарий. Важную роль в изучении социальной жизни играют ключевые понятия и идеи, которые позволяют социологам осмысливать общества. Однако толкование этих понятий постоянно эволюционирует и меняется.

Книга вводит в основные понятия, благодаря которым социология сформировалась как научная дисциплина. Не ограничиваясь краткими словарными определениями, Энтони Гидденс и Филип Саттон подробно рассматривают каждое понятие, исторические и теоретические контексты его возникновения и бытования, показывают значения и интерпретации, обращая внимание на критику и развитие в современных исследованиях и теориях.

Издание адресовано специалистам широкого спектра социальных и гуманитарных наук.

УДК 316
ББК 60.5

Перевод выполнен по изданию: *Giddens A., Sutton P.W. Essential Concepts in Sociology. Second edition (Polity Press, 2017)*

This edition is published by arrangement with Polity Press Ltd., Cambridge

Опубликовано Издательским домом Высшей школы экономики <<http://id.hse.ru>>

doi:10.17323/978-5-7598-1525-9

ISBN 978-5-7598-1525-9 (в пер.) Copyright © Anthony Giddens & Philip W. Sutton 2017
ISBN 978-5-7598-1805-2 (e-book) © Перевод на рус. яз. Издательский дом
ISBN 978-1-5095-1666-7 (англ.) Высшей школы экономики, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	9
ТЕМА 1. МЫСЛИТЬ СОЦИОЛОГИЧЕСКИ	14
ГЛОБАЛИЗАЦИЯ (<i>GLOBALIZATION</i>).....	14
ДИСКУРС (<i>DISCOURSE</i>).....	19
МОДЕРН (<i>MODERNITY</i>)	24
ОБЩЕСТВО (<i>SOCIETY</i>)	28
ПОСТМОДЕРН (<i>POSTMODERNITY</i>).....	33
РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ (<i>RATIONALIZATION</i>)	38
СТРУКТУРА — ДЕЙСТВИЕ (<i>STRUCTURE/AGENCY</i>)	43
ТЕМА 2. ДЕЙСТВОВАТЬ СОЦИОЛОГИЧЕСКИ.....	49
ИДЕАЛЬНЫЙ ТИП (<i>IDEAL TYPE</i>)	49
КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ И (ИЛИ) КАЧЕСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ (<i>QUALITATIVE/QUANTITATIVE METHODS</i>)	53
НАУКА (<i>SCIENCE</i>)	58
РЕАЛИЗМ (<i>REALISM</i>).....	63
РЕФЛЕКСИВНОСТЬ (<i>REFLEXIVITY</i>)	68
СОЦИАЛЬНЫЙ КОНСТРУКТИВИЗМ (<i>SOCIAL CONSTRUCTIONISM</i>).....	72
ТЕМА 3. ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА И УРБАНИЗМ	78
ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ (<i>INDUSTRIALIZATION</i>)	78
МИГРАЦИЯ (<i>MIGRATION</i>).....	82
ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА (<i>ENVIRONMENT</i>)	88
ОТЧУЖДЕНИЕ (<i>ALIENATION</i>)	92
РИСК (<i>RISK</i>).....	96

УРБАНИЗМ (<i>URBANISM</i>).....	101
УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ (<i>SUSTAINABLE DEVELOPMENT</i>).....	106
ТЕМА 4. СТРУКТУРЫ ОБЩЕСТВА.....	112
БЮРОКРАТИЯ (<i>BUREAUCRACY</i>).....	112
КАПИТАЛИЗМ (<i>CAPITALISM</i>).....	117
КОНСЬЮМЕРИЗМ (<i>CONSUMERISM</i>).....	122
ОБРАЗОВАНИЕ (<i>EDUCATION</i>).....	127
ОРГАНИЗАЦИЯ (<i>ORGANIZATION</i>).....	131
РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА (<i>DIVISION OF LABOUR</i>).....	137
РЕЛИГИЯ (<i>RELIGION</i>).....	141
ТЕМА 5. НЕРАВЕНСТВО ЖИЗНЕННЫХ ШАНСОВ.....	147
БЕДНОСТЬ (<i>POVERTY</i>).....	147
ГЕНДЕР (<i>GENDER</i>).....	152
ИНТЕРСЕКЦИОНАЛЬНОСТЬ (<i>INTERSECTIONALITY</i>).....	156
КЛАСС (<i>CLASS</i>).....	161
ПАТРИАРХАТ (<i>PATRIARCHY</i>).....	166
РАСА И ЭТНИЧНОСТЬ (<i>RACE AND ETHNICITY</i>)....	171
СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ (<i>SOCIAL MOBILITY</i>).....	176
СТАТУС (<i>STATUS</i>).....	182
ТЕМА 6. ОТНОШЕНИЯ И ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ.....	187
ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ (<i>LIFE COURSE</i>).....	187
СЕКСУАЛЬНОСТЬ (<i>SEXUALITY</i>).....	191
СЕМЬЯ (<i>FAMILY</i>).....	196
СЕТЬ (<i>NETWORK</i>).....	201

СООБЩЕСТВО (<i>COMMUNITY</i>)	205
СОЦИАЛИЗАЦИЯ (<i>SOCIALIZATION</i>)	209
ТЕМА 7. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И КОММУНИКАЦИЯ	214
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ (<i>INTERACTION</i>)	214
ИДЕНТИЧНОСТЬ (<i>IDENTITY</i>)	218
ИДЕОЛОГИЯ (<i>IDEOLOGY</i>)	222
КУЛЬТУРА (<i>CULTURE</i>)	227
МАССМЕДИА (<i>MASS MEDIA</i>)	232
ПУБЛИЧНАЯ СФЕРА (<i>PUBLIC SPHERE</i>)	237
ТЕМА 8. ЗДОРОВЬЕ, БОЛЕЗНЬ И ТЕЛО	242
БИОМЕДИЦИНА (<i>BIOMEDICINE</i>)	242
МЕДИКАЛИЗАЦИЯ (<i>MEDICALIZATION</i>)	246
РОЛЬ БОЛЬНОГО (<i>SICK ROLE</i>)	250
СОЦИАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ИНВАЛИДНОСТИ (<i>SOCIAL MODEL OF DISABILITY</i>)	255
СОЦИАЛЬНАЯ САМОСТЬ (<i>SOCIAL SELF</i>)	259
СТИГМА (<i>STIGMA</i>)	263
ТЕМА 9. ПРЕСТУПНОСТЬ И СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ	268
АНОМИЯ (<i>ANOMIE</i>)	268
ВОССТАНОВИТЕЛЬНОЕ ПРАВОСУДИЕ (<i>RESTORATIVE JUSTICE</i>)	273
ДЕВИАЦИЯ (<i>DEVIANCE</i>)	277
МОРАЛЬНАЯ ПАНИКА (<i>MORAL PANIC</i>)	282
НАКЛЕИВАНИЕ ЯРЛЫКОВ (<i>LABELLING</i>)	286
СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ (<i>SOCIAL CONTROL</i>)	291

ТЕМА 10. ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ	296
ВЛАСТЬ (<i>POWER</i>)	296
ГОСПОДСТВО (<i>AUTHORITY</i>)	300
ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО (<i>CIVIL SOCIETY</i>)	305
ГРАЖДАНСТВО (<i>CITIZENSHIP</i>)	310
ДЕМОКРАТИЯ (<i>DEMOCRACY</i>)	315
КОНФЛИКТ (<i>CONFLICT</i>)	320
НАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО (<i>NATION STATE</i>) . .	324
СОЦИАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ (<i>SOCIAL MOVEMENT</i>) . .	329

ВВЕДЕНИЕ

Общественная жизнь никогда не пребывает в статичном состоянии, она представляет собой процесс постоянных изменений. В течение последних 30 лет современный мир был трансформирован «текучими» гендерными отношениями, меняющимися формами миграционных потоков, Интернетом и социальными медиа, мультикультурализмом, цифровой революцией в коммуникациях, финансовыми кризисами, глобальным терроризмом и многочисленными политическими беспорядками. Социология, это порождение XIX века, не может позволить себе остаться в стороне от новых явлений и процессов и должна идти в ногу со временем, иначе она рискует стать бесполезной. Сегодня социология теоретически разнообразна и охватывает широкий круг вопросов, привлекая для понимания общества богатый арсенал исследовательских методов, что является неизбежным следствием попыток понять и объяснить все более глобализирующийся мир, на пороге которого мы находимся. В свою очередь, это означает необходимость пересмотра знакомых нам понятий и создания новых. Данная книга включает как давно устоявшиеся, так и недавно созданные понятия.

РАЗВИТИЕ ПОНЯТИЯ В СОЦИОЛОГИИ

Некоторые понятия социологии имеют давнюю историю и выдержали испытание временем. Например, понятия «класс», «статус», «бюрократия», «капитализм», «гендер», «бедность», «семья» и «власть» остаются фундаментальными для социологической работы. Другие появились совсем недавно. Понятия «глобализация», «постмодерн», «рефлексивность», «окружающая среда», «жизненный путь», «восстановительное правосудие» и «социальная модель инвалидности» стали частью понятийного аппарата, представляющего и отражающего обширные изменения последних десятилетий. Это означает, что становится все сложнее уловить общую форму дисциплины. Данная книга вносит вклад в решение этой задачи, представляя некоторые основные социологические понятия. Многие из них являются

веками изменений, произошедших в социологии в течение последних 150 лет. Уяснение значений этих основных понятий, их происхождения и современного использования должны помочь читателю увидеть, как развивался предмет социологии в течение времени.

Разработка концепций в социологии, как правило, связана с теоретическими и эмпирическими исследованиями, которые требуют введения новых понятий для осмысления полученных результатов. Одни понятия (например, «статус», «класс» и «риск») уже имеют широкое хождение в обществе, но заимствуются социологией, где они подвергаются обсуждению и очищению, становясь более точными и полезными в качестве исследовательских инструментов. Другие, в том числе «отчуждение», «моральная паника», «глобализация», создаются самими социологами для изучения социальных явлений, а потом просачиваются в словарь повседневности, оказывая влияние на восприятие людьми мира, в котором они живут. Все это совершенно непохоже на ситуацию в естественных науках. Вне зависимости от того, как много понятий создается в естественных науках, они не способны изменить поведение животных или растений. По мнению Гидденса, это пример так называемого одностороннего процесса. В социологии понятия, результаты исследований и теории возвращаются в общество и влияют на мысли и действия людей. Социологическое исследование — это часть непрерывного *двустороннего* взаимодействия между социологами и объектами их исследований.

Этот двусторонний процесс означает, что социологические понятия по своему существу неустойчивы и подвержены изменениям, причем не только в пределах профессионального дискурса, но и в самом социальном мире как таковом. Это также означает, что большая часть понятий имеет принципиально оспариваемый характер: они используются, исходя из различных теоретических позиций, а общего согласия относительно их значения не существует. Однако степень изменчивости и несогласия, возможно, несколько преувеличена. На практике количество соперничающих теорий относительно невелико, а то, что между ними существует больше согласованности и единства, чем это представляется на первый взгляд, обычно остается скрытым.

Понятия, разработанные в одной исследовательской перспективе, зачастую используются и в других. Понятие «отчуж-

дение», например, которое было первоначально разработано Карлом Марксом и позволило ему лучше понять природу труда в капиталистических обществах, было возрождено более чем столетие спустя. Выведенное за пределы изначальной марксистской теоретической рамки, это понятие получило новую жизнь в индустриальной социологии, где стало использоваться для оценки отношения работников к условиям своего труда. В результате смысл понятия изменился. Но несмотря на возражения некоторых марксистов, обновленная версия обеспечила нас важным пониманием того, как различные рабочие места и системы управления оказывают влияние на жизнь работников.

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ

У нас нет цели создать полный компендиум понятий социологии. Мы тщательно отобрали около 70 понятий, которые способствовали или способствуют по сей день формированию отдельных исследовательских областей. Среди них — ряд понятий, прошедших испытание временем: например, «власть», «класс», «идеология», «общество», «культура». Эти понятия широко использовались в социологии на протяжении всей ее истории. Они и сейчас продолжают стимулировать дискуссии и направляют многие исследовательские проекты. Другие понятия — например, «гендер», «консьюмеризм», «идентичность», «жизненный путь» — не имеют столь длительной истории, однако их роль в дисциплине трудно переоценить. Они не только способствовали развитию целых исследовательских направлений, но и придали новый вид старым дискуссиям, вынудив социологов переоценить значимость более ранних понятий. Наконец, мы включили в наш список несколько совсем новых понятий: «интерсекциональность», «глобализация», «риск» и «восстановительное правосудие». По нашим оценкам, эти понятия уже породили целый ряд новаторских исследований и имеют все шансы встроиться в специализированные области в качестве основных.

Статьи внутри тематических разделов, разъясняющие основные понятия, в этой книге несколько пространнее, чем принято в подобных изданиях. Наша цель — дать нечто большее, чем краткие определения понятий. Напротив, мы предлагаем расширенное обсуждение каждого понятия, помещаем его в исто-

рический и теоретический контексты, рассматриваем значения, возникающие при его использовании, представляем определенные релевантные критические позиции и указываем читателю на современные примеры исследования и теоретизирования, с которыми он может ознакомиться самостоятельно. Такая структура позволит читателю связать историю социологии с актуальным состоянием, проследив развитие ее понятий. Помимо этого, внутри соответствующих разделов обсуждаются и кратко определяются многие другие понятия. Например, статья «Индустриализация» включает также соотносимые понятия — «урбанизация», «постиндустриализация» и «экологические формы модернизации».

Мы понимаем, что некоторые из выбранных нами понятий могут быть оспорены. Найдутся социологи, которые укажут нам на отсутствие в списке ряда ключевых понятий или, наоборот, на включение в него понятий, вовсе не относящихся к делу. Подобные разногласия в социологии являются нормой, даже если речь идет об основных понятиях. Причиной тому служит многообразие теоретических взглядов и исследовательских перспектив. Но социологи, будучи представителями научного сообщества и активно полемизируя, все же находят почву для диалога и понимания друг друга. Это понимание становится возможным благодаря общему концептуальному наследию многочисленных теорий и объяснительных схем, переживавших на протяжении своей истории периоды расцвета и упадка.

КАК ПОЛЬЗОВАТЬСЯ КНИГОЙ

Разделы книги сгруппированы по 10 основным темам. Внутри каждой темы понятия располагаются в алфавитном порядке. Это делает поиск понятия в каждой тематической области более быстрым и простым. Книга представляет собой самостоятельный текст, предназначенный для любого, кто хочет разобраться в основных понятиях социологии. Однако студенты, работающие с нашей книгой «Социология: антология для начинающих»¹, оценят то, что сходная структура обеих книг облегчает сопоставление используемых в них понятий. Внутри книги поня-

¹ См.: *Giddens A., Sutton Ph. Sociology: Introductory Readings*. Cambridge: Polity Press, 2010. — *Примеч. ред.*

тия связаны перекрестными ссылками, для чего применяется простой механизм выделения термина полужирным шрифтом при первом использовании вне специально посвященного ему раздела². Мы также позволили себе некоторую свободу в отношении самой категории «понятие». К примеру, «раса» и «этничность» рассматриваются в рамках одного раздела, а не двух, потому что, как правило, эти понятия обсуждаются вместе. Тем не менее в ходе обсуждения различие между расой и этничностью станет ясным. Аналогично мы поступили с понятиями «структура — действие» и «количественные и (или) качественные методы». Некоторые разделы могут рассматриваться не столько как описание понятий как таковых, сколько в качестве изложения теорий или общих точек зрения. Так, «глобализация» является и конкретным понятием, и теорией социальных изменений, в то время как «социальная модель инвалидности» — это специфический подход к изучению феномена инвалидности. Подобная структура книги избрана, чтобы наилучшим образом осуществить ее основной замысел — создание точной концептуальной карты современной социологии.

² Речь идет об американском издании, в русском издании данный механизм не используется. — *Примеч. ред.*

Тема 1. Мыслить социологически

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ (GLOBALIZATION)

Рабочее определение

Разнообразные процессы, через которые географически разобщенные популяции людей обретают более близкие и непосредственные связи друг с другом, становясь единым сообществом или глобальным обществом.

Происхождение понятия

Идея глобального человеческого общества прослеживается, начиная с дискуссий эпохи Просвещения о перспективах человечества как целого. Понятие «глобализация» можно вывести и из концепций XIX века: из идей К. Маркса о тенденции капитализма к расширению и Э. Дюркгейма о географическом распространении разделения труда. Однако первая словарная статья, посвященная глобализации в современном смысле этого термина, появилась в 1961 году и только в 1980-е годы термин стал регулярно использоваться в экономике [Kilminster, 1998, p. 93].

Важным предшественником тезиса о глобализации в социологии был миросистемный анализ Иммануила Валлерстайна [Wallerstein, 1974–1989]. Валлерстайн полагал, что экономическая система капитализма действует на транснациональном уровне, формируя мировую систему, в которой ядром выступают сравнительно богатые страны, самые бедные образуют периферию, а между ними находятся страны полупериферии. Однако современные дебаты о глобализации являются результатом ускорения глобализационных процессов, начавшегося в 1970-е годы и вызванного ростом и властью транснациональных корпораций, упадком национального государства, подъемом наднациональных торговых блоков, формированием региональных экономических и политических союзов (например, Европейского союза), удешевлением путешествий, приведшим к широкому распространению зарубежного туризма и миграции, возникновением Интернета, радикально ускорившего глобальные коммуникации. К 1990-м годам понятие «глобализация» прочно вошло

в понятийный аппарат социологии, оказав влияние практически на все ее исследовательские области.

Значение и интерпретация

Хотя большинство социологов могут согласиться с приведенным выше рабочим определением, существует множество разногласий по поводу основных причин глобализации, а также по поводу того, является ли она позитивным или негативным процессом. Глобализация сигнализирует нам о *процессе* изменений и, возможно, о социальной тенденции к глобальной взаимозависимости. Однако это вовсе не означает, что данные изменения неизбежно приведут к возникновению единого глобального общества. Глобализация имеет экономическое, политическое и культурное измерения [Waters, 2001]. Для одних исследователей феномен глобализации носит преимущественно экономический характер и связан с механизмами финансового обмена, торговли, глобального производства и потребления, глобального разделения труда и функционирования глобальной финансовой системы. *Экономическая глобализация* способствует усилению миграции, изменяя способы передвижения и проживания и создавая более текучие формы человеческого существования. Для других исследователей более важной является *культурная глобализация*. Р. Робертсон предложил понятие «глокализация» (*то есть* смешение глобальных и локальных элементов) для обозначения способов, которыми локальные сообщества активно видоизменяют глобальные процессы, чтобы приспособить их к местным культурам [Robertson, 1995]. Глокализация приводит к возникновению разнонаправленных потоков культурных продуктов, проходящих через различные общества мира. Наконец, те, кто впечатлен *политической глобализацией*, делают акцент на усилении механизмов регионального и международного управления. Например, ООН и Европейский союз объединяют национальные государства и международные неправительственные организации в форумы по принятию совместных решений, призванных регулировать нарождающуюся глобальную систему.

Глобализация включает несколько важных процессов. Торговля и рыночные обмены, как правило, имеют мировой масштаб. Растущая международная политическая кооперация (заявляющая о себе активно используемым понятием «международное

сообщество» или применением многонациональных войск по поддержанию мира) демонстрирует политическую и военную координацию поверх национальных границ. Современное развитие информационных технологий и более регулярные (и доступные) перевозки также означают, что социальная и культурная активность разворачивается на глобальном уровне. Более того, глобализация человеческой активности становится все более интенсивной: *больше* глобальной торговли, *больше* международной политики, *больше* глобальных средств сообщения, *больше* рутинных культурных обменов. Увеличивается общий объем активности на глобальном уровне. Многие социологи связывают начавшееся в 1970-е годы *ускорение* процессов глобализации с возникновением дигитализации, бурным развитием информационных технологий и прогрессом в транспортировке товаров, услуг и людей. Быстрые темпы глобализации имеют далеко идущие последствия. Решения, принятые в одной точке земного шара, могут оказать огромное влияние на весь мир, а национальное государство, будучи до этого центральным актором, ныне частично утратило свою власть и способность к контролю.

Критические замечания

Теоретики глобализации рассматривают ее как процесс фундаментальных изменений в жизни человека, однако их оппоненты говорят о том, что ее значение сильно преувеличено [Held et al., 1999]. Скептически настроенные исследователи уверены: настоящий уровень экономической взаимозависимости не является беспрецедентным. Быть может, контакты и торговые обмены между странами и стали более активными, чем раньше, но они не создали единую глобальную экономическую систему [Hirst, Thompson, Bromley, 2009]. Напротив, существовала тенденция к интенсификации региональной торговли внутри Европейского союза, Азиатско-Тихоокеанского региона, Северной Америки. Учитывая, что эти три региональные экономические системы функционируют относительно независимо друг от друга, любое представление о единой глобальной экономической системе кажется скептикам надуманным.

Мысль о том, что глобализация подорвала роль национального государства, также небесспорна. Национальные правительства продолжают оставаться ключевыми игроками, которые регулируют и координируют экономическую деятельность,

связанную с торговыми соглашениями и политикой экономической либерализации. Объединение национальных суверенитетов вовсе не означает их неизбежную утрату. Национальные правительства, несмотря на рост глобальной взаимозависимости, сохранили значительную часть своей власти. Однако в условиях ускорения глобализации государства становятся более активными и на международной арене. Глобализация — это не односторонний процесс все более тесной интеграции, а двусторонний поток образов, информации и влияний, порождающий различные последствия.

Сохраняющаяся актуальность

Поскольку глобализация образует концептуальный фон социологии, она представлена в большом количестве современных исследований, посвященных самым разным темам — международному терроризму, социальным движениям, конфликтам и войнам, окружающей среде, миграции, мультикультурализму и др. Прогресс в исследовании позволил обнаружить ряд непреднамеренных последствий крупномасштабной глобализации. К примеру, М.-К. Ренард изучила возникновение и развитие рынка «справедливой торговли» продуктами, целью которого стало поощрение мелких производителей в развивающихся странах через справедливую продажу их товаров этичным потребителям в промышленно развитых странах [Renard, 1999]. Основные глобализационные процессы определяются большими транснациональными компаниями, поэтому мелким производителям сложно выйти на рынки товаров массового производства. Однако Ренард обнаружила, что экономическая глобализация на самом деле создает небольшие лакуны, или ниши, которые могут занять мелкие производители. Это крайне любопытный объект для исследования, показывающий, как глобализация открывает новые возможности развития для мелких производителей (в данном случае — для производителей кофе) на основе общих ценностей справедливости и солидарности, разделяемых различными слоями общества, как в развитых, так и в развивающихся странах.

Если у глобализации есть политическое измерение, то можно ожидать организацию социальных движений, превосходящих уровень местной или национальной политики. Ш. Барнертт провела количественный анализ, рассмотрев в качестве возмож-

ного свидетельства этого социальные движения людей с ограниченными возможностями [Barnartt, 2010]. Она изучила более 1200 протестных событий в США и более 700 в других странах с 1970 по 2005 год. Анализ данных показал, что в США с 1984 года количество протестов людей с ограниченными возможностями быстро росло; в других странах аналогичный рост наблюдался с 1989 года. Барнертт утверждает, что протесты людей с ограниченными возможностями действительно участились и распространились по всему миру. Однако нельзя говорить о том, что эти протесты являются показателем глобализации. Большая их часть была связана с локальными и национальными, а не глобальными проблемами. Более того, международные организации почти не были в них вовлечены. Несмотря на сходства различных протестных движений, Барнертт все же приходит к выводу, что движения людей с ограниченными возможностями не являются частью глобализационных процессов.

Мнения о глобализации заметно различаются, однако недавние оценки Л. Мартелла возвращают разговор к знакомой теме неравенства [Martell, 2016]. Этот исследователь полагает, что хотя многие социологи рассматривают глобализацию как частично или полностью культурное явление, им необходимо признать ключевую роль капиталистической экономики и материальных интересов. Мартелл выступает против космополитических теорий возникновения международной политической сферы, которые он считает чересчур оптимистичными. В той степени, в какой она является реальной, глобализация носит неравномерный характер, воспроизводя существующее неравенство и неравные шансы на власть. Глобальное свободное перемещение, к примеру, означает, что «те, кто меньше всего нуждается, богатая элита, наиболее свободны, а те, кто больше всего нуждается в возможности мобильности, бедные, находящиеся вне богатого ядра, наиболее ограничены в своей свободе» [Ibid., p. 251]. Несмотря на важность культурных изменений, капиталистическая экономика остается для Мартелла ключевой движущей силой.

Литература

Barnartt S. The Globalization of Disability Protests, 1970–2005: Pushing the Limits of Cross-Cultural Research? // Comparative Sociology. 2010. Vol. 9. No. 2. P. 222–240.

Held D. et al. Global Transformations: Politics, Economics and Culture. Cambridge: Polity, 1999; см. также рус. пер.: Хелд Д. и др. Глобальные трансформации. Политика, экономика, культура. М.: Праксис, 2004.

Hirst P., Thompson G., Bromley S. Globalization in Question. 3rd ed. Cambridge: Polity, 2009.

Kilminster R. The Sociological Revolution: From the Enlightenment to the Global Age. London: Routledge, 1998.

Martell L. The Sociology of Globalization. Cambridge: Polity, 2016.

Renard M.-C. The Interstices of Globalization: The Example of Fair Coffee // *Sociologia Ruralis*. 1999. Vol. 39. No. 4. P. 484–500.

Robertson R. Glocalization: Time-Space and Homogeneity-Heterogeneity // Featherstone M., Lash S., Robertson R. (eds). *Global Modernities*. London: Sage, 1995. P. 25–44.

Wallerstein I. The Modern World-System. 3 vols. New York: Academic Press, 1974–1989; см. также рус. пер.: Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Т. 1. Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015; Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Т. 2. Меркантилизм и консолидация европейского мира-экономики, 1600–1750. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016; Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Т. 3. Вторая эпоха великой экспансии капиталистического мира-экономики, 1730–1840-е годы. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016.

Waters M. Globalization. 2nd ed. London: Routledge, 2001.

ДИСКУРС (*DISCOURSE*)

Рабочее определение

Способ высказывания и мышления о предмете, основанный на общих допущениях и служащий для формирования человеческого понимания этого предмета и действия в отношении него.

Происхождение понятия

Понятие «дискурс» возникает в лингвистике — науке о языке и его применении. В этом контексте дискурс обозначает формы устной или письменной коммуникации, используемые в разговорах лицом к лицу, публичных дебатах, на интернет-форумах и т.д. Дискурс анализируется в лингвистике, чтобы понять, как организованы коммуникативные процессы и как они функционируют. Однако в 1950-е годы британский философ

Дж.Л. Остин утверждал, что устные и письменные коммуникации являются не наборами нейтральных, пассивных сообщений, а речевыми актами, активно формирующими мир, как мы его знаем [Austin, 1962]. Мишель Фуко связал изучение языка с преобладающим в социологии интересом к власти и ее эффектам в обществе. Именно после этого понятия «дискурс» и «дискурсивные практики» стали вызывать все больший интерес у социологов.

Значение и интерпретация

Изучение языка и коммуникации было сосредоточено преимущественно на технических аспектах, например, на роли грамматики и грамматических правил в конструировании значения. Однако с конца 1950-х годов дискурс стал пониматься как тип действия и, поэтому, как некоторое вмешательство в мир. Рассматриваем ли мы политические группировки как террористические или как борющиеся за свободу, фокусируются ли новостные сообщения на причинах промышленных забастовок или на их разрушительных последствиях — все это оказывает влияние на то, как мы действуем. Понятие «речевой акт» изменило способ рассмотрения языка и повседневного общения. То, что ранее казалось незначительным, стало центральным для нашего понимания социальных структур и отношений власти, равно как для исследований культуры и массмедиа. Социологи смогли изучить, каким образом язык используется для упорядочения политических аргументов, исключения из дебатов определенных идей и контроля над тем, как люди обсуждают те или иные вопросы.

Несомненно, наиболее влиятельная теория дискурса принадлежит Мишелю Фуко, который изучал историю психических заболеваний (в его терминологии — безумия), преступлений, пенитенциарных систем и медицинских институтов. Фуко полагал, что множество дискурсов создает рамки, которые структурируют общественную жизнь и через которые осуществляется власть [Foucault, 2002]. Тем самым, дискурсивные рамки действуют, скорее, как парадигмы, устанавливающие пределы тому, *что* мы можем осмысленно говорить об определенном предмете, и тому, *как* мы можем о нем говорить. Дискуссии о преступлении, к примеру, структурированы в соответствии с господ-

ствующим дискурсом закона и порядка, что делает подчинение закону и принятие полицейского контроля над общественным порядком частью здравого смысла нормальной жизни. Возможность оказать сопротивление этому масштабному контролю или игнорировать закон в повседневной жизни почти немыслима. Это происходит вследствие того, что дискурс преступления предшествует вхождению человека в социальный порядок. Его поведение и мироощущение отчасти формируется этим дискурсом: человек усваивает общественные нормы и ценности через социализацию. Таким образом, дискурсы способствуют приобретению человеком чувства самости и личностной идентичности. Это служит полезным напоминанием о том, что у человека нет абсолютной свободы мышления, речи и действия — у человеческой деятельности всегда есть пределы.

Фуко в разработке понятия «дискурс» идет дальше, делая дискурс и дискурсивные практики ядром исследований власти. Он утверждал, что знание и власть внутренне связаны, а не противопоставлены друг другу. Академические дисциплины, такие как, например, криминология и психиатрия, которые пытаются найти объективное знание о преступном поведении и психических заболеваниях, также производят отношения власти, определяющие понимание преступлений и психических заболеваний и способы воздействия на них. Психиатрический дискурс устанавливает собственную границу между безумием и нормальностью, легитимируя специализированные медицинские институты изоляции, ухода за больными и их лечения. Аналогично, меняющиеся дискурсы преступления не просто описывают и объясняют преступное поведение, но и содействуют появлению новых определений преступников и способов обращения с ними [Foucault, 1975].

Критические замечания

Понятие «дискурс», без сомнения, является продуктивным и в целом было принято в социологии. Однако центральная идея Фуко о том, что дискурсы не связаны с конкретным социальным основанием (социальным классом), расходится с другими исследованиями феномена власти. Многие из них рассматривают власть как полученное и используемое личное или коллективное преимущество: в случае, например, патриархальной власти

мужчины удерживают и используют власть над женщинами, а правящие классы господствуют над подчиненными классами. Мысль о том, что власть анонимно «смазывает колеса» социальных отношений, игнорирует последствия властного неравенства. Впоследствии критика строится на утверждении, что преимущественный фокус на языке, речи и текстах придает им слишком большое значение. Для некоторых критиков это становится причиной возникновения «декоративной социологии», которая погружает социальные отношения в сферу культуры, избегая сложных и подлинно социологических проблем изменения баланса сил [Rojek, Turner, 2000]. Для формирования общественной жизни более существенными являются не дискурсы, а реальные социальные отношения и материальная культура.

Сохраняющаяся актуальность

Основная идея, что дискурсивные рамки играют ключевую роль в общественной жизни, остается продуктивной и важной при исследовании множества разнообразных предметов. К примеру, Я. Лесса для оценки деятельности финансируемого правительством Великобритании агентства, работающего с родителями-одиночками подросткового возраста, использует дискурс-анализ, позволяющий понять рассказы подростков, их родителей и опекунов [Lessa, 2006]. В противоположность преобладающему в обществе дискурсу, который представляет матерей-одиночек как безответственных, беспомощных «попрошаек», агентство помогло сформировать альтернативный дискурс о матерях-подростках как о молодых родителях, имеющих легитимное право на социальную поддержку. Этот альтернативный дискурс помог сбору средств и способствовал изменению восприятия данного явления. Исследование показывает, что господствующий в настоящее время дискурс редко не встречает возражений и потенциально может быть низложен, хотя в данном случае лишь на локальном уровне и в очень специфической области системы социального обеспечения. Борьба дискурсов подобного рода является, скорее, нормой, нежели исключением.

Исследования глобальных политических дискурсов гораздо масштабнее. Вслед за нападениями на США 11 сентября 2001 года, известными как «9/11», американское правительство запустило новый дискурс глобальной войны с терроризмом.

Согласно этому дискурсу нападения, совершенные террористами, были направлены не против США, а против демократии как таковой [Hodges, Nilep, 2009, p. 3]. Этот дискурс придал форму публичным дебатам, в которые были вовлечены различные социальные акторы, отреагировавшие на атаки террористов и стремившиеся их объяснить или оправдать. При этом дискурс войны с терроризмом установил в общественной дискуссии границу между «мы» и «они», способствуя созданию новых идентичностей, врагов и друзей.

Несмотря на то что язык и риторика войны, кажется, мало изменились с течением времени и в ходе бесчисленных войн, Д. Мачин утверждает, что визуальные репрезентации войны, будучи также типом нарратива, претерпели значительные изменения [Machin, 2009]. Используя метод мультимодального анализа (то есть соединяя различные коммуникативные источники — тексты, визуальный ряд, язык тела и т.д.) для изучения образов войны в Ираке в прессе 2005–2006 годов, он показывает, что текущие войны (например, в Афганистане) массмедиа стараются изображать как высокопрофессиональные миротворческие миссии, где солдаты заботливо защищают уязвимое местное население, в то время как вражеские потери исключаются из поля зрения. Вместо документирования конкретных событий военные фотографии призваны структурировать медийный материал, представляя общие темы, такие как «страдание», «враги», «бой» или «гражданское население». В частности, Мачин говорит о том, что дешевые снимки из коммерческих банков изображений все чаще используются в наиболее общем, символическом смысле. Военная фотография может поэтому рассматриваться как важный элемент нового дискурсивного конструирования современной войны.

Литература

Austin J.L. How to Do Things with Words. London: Oxford University Press, 1962; см. также рус. пер.: *Остин Дж.* Как совершать действия при помощи слов // Остин Дж. Избранное. М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 13–135.

Foucault M. The Archeology of Knowledge. London: Routledge, 2002 [1969]; см. также рус. пер.: *Фуко М.* Археология знания. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004.

Foucault M. Discipline and Punish, Harmondsworth: Penguin, 1975; см. также рус. пер.: Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999.

Hodges A., Niley C. (eds). Discourse, War and Terrorism. Amsterdam: John Benjamin, 2009.

Lessa I. Discursive Struggles within Social Welfare: Restaging Teen Motherhood // British Journal of Social Work. 2006. Vol. 36. No. 2. P. 283–298.

Machin D. Visual Discourses of War: Multimodal Analysis of Photographs of the Iraq Occupation // Hodges A., Niley C. (eds). Discourse, War and Terrorism. Amsterdam: John Benjamin, 2009. P. 123–142.

Rojek C., Turner B. Decorative Sociology: Towards a Critique of the Cultural Turn // Sociological Review. 2000. Vol. 48. No. 4. P. 629–648.

МОДЕРН (*MODERNITY*)

Рабочее определение

Период, начавшийся в середине XVIII века, то есть в эпоху Просвещения в Европе, и продолжавшийся до середины 1980-х годов. Характеризуется процессами секуляризации, рационализации, демократизации, индивидуализации и подъемом науки.

Происхождение понятия

Слово «современный» (*modern*) может использоваться для обозначения всего нового. Противопоставление древнего и нового становится общим местом в Европе с конца XVI века [Williams, 1987]. Сама идея модернизации как придание чему-либо современного облика вызывала сопротивление вплоть до XIX века, когда отношение к ней приобрело позитивный оттенок. На протяжении первых трех четвертей XX века модернизация транспорта, жилья, социальных установок, моды и многого другого воспринималась как необходимая и прогрессивная. В социальной теории понятие «модерн» имеет гораздо более широкое значение, отсылающее к историческому периоду, начавшемуся в середине XVIII века и продолжавшемуся до 1980-х годов. Философы Просвещения поставили под сомнение традицию, авторитет религии и общепринятые верования, полагая, что прогресс человечества возможен только благодаря рациональному мышлению, науке и стремлению к свободе и равенству. Сама со-

циология есть продукт модерна. Ее цель — получить с помощью научных методов надежное знание о социальном мире для того, чтобы вмешиваться в жизнь общества и улучшать ее на благо всем.

Значение и интерпретация

Период модерна пришел на смену европейскому феодализму. «Модерн» стал своеобразным зонтичным термином для всех характерных особенностей постфеодальных обществ — для индустриализации, капитализма, урбанизации и урбанизма как способа жизни, секуляризации, установления и распространения демократии, превращения науки в непосредственную производительную силу и широкого движения к равенству во всех сферах жизни. Модерн означает также подъем рационального мышления и действия, характеризуемых бесстрашной установкой на факты в отличие от эмоционального и религиозного отношения к миру. Макс Вебер описывал этот процесс как постепенное «расколдовывание мира», распространяющееся повсюду путем расширения легально-рациональной формы капитализма.

Как социальная формация, модерн с впечатляющим успехом разрушил ограничения, сковывавшие материальное производство, способствуя невероятному росту богатства в некоторых странах и большему равенству во многих сферах человеческой жизни. На протяжении XX века многие социологи полагали, что модерн представляет социальную модель, к которой должны стремиться все нации или которую они будут вынуждены в конце концов принять. Этот общий тезис лег в основу теории модернизации. Ее самый известный вариант был предложен Уолтом Ростоу [Rostow, 1961]. Он считал, что модернизация — это процесс, прошедший несколько стадий; по мере того как общества «догоняли» ранних модернизаторов, их экономика начинала расти. Традиционные аграрные общества могут модернизироваться, отказываясь от своих давних традиционных ценностей и институтов, инвестируя в инфраструктурные проекты и новые отрасли промышленности ради будущего процветания. Постоянное инвестирование в передовые технологии ведет к более высокому уровню производства и массовому потреблению, которые, в свою очередь, создают основу для устойчиво-

го экономического роста. Несмотря на то что Гонконг, Тайвань, Южная Корея и Сингапур шли по этому пути, предложенная Росту модель сегодня кажется чересчур оптимистичной: многие страны (например, в Африке) не сумели модернизировать свои экономики таким образом.

Для некоторых теоретиков, в особенности для Зигмунта Баумана, ключ к пониманию модерна лежит в осознании отличительных черт его культуры и ментальности, которые можно сравнить с возделыванием сада [Bauman, 1987]. Ментальность модерна предпочитает порядок хаосу. Следовательно, если общество подобно буйному саду, то его запущенная и некультивированная часть должна быть освоена и обработана. С ростом власти национальных государств и их способности возделывать сад появляются средства для достижения этой цели. Метафора возделывания сада не ограничивается национальными государствами, так как желание порядка стало обычным аспектом повседневной жизни современного человека.

Критические замечания

Основная проблема понятия «модерн» состоит в его слишком общем характере. Критики рассматривают его как описание постфактум некоторых, но отнюдь не всех, современных обществ. Более того, это понятие не может предложить объяснение *причин* модернизации. Теория модернизации также не может объяснить неуклонный рост неравенства в глобальной системе и очевидную неспособность многих развивающихся экономик уменьшить его уровень, как это предсказывалось ранее. Поскольку понятие «модерн» включает несколько ключевых социальных процессов, оно остается расплывчатым и является скорее описательным, нежели аналитическим. Неясно, к примеру, какие элементы образуют главную движущую силу процессов модернизации. Каков главный причинный фактор модернизации — капиталистическая экономика или индустриализация? Какую роль играет демократизация? Урбанизация — это причина или следствие модернизации?

Критики неомарксистского толка не согласны также с тем, что неумолимая логика модернизации будет стимулировать менее развитые общества к переходу в состояние устойчивого

роста экономики и благосостояния. Скорее, верно обратное. На глобальном уровне сравнительно бедные страны остаются в состоянии постоянной зависимости от богатого мира: их ресурсы расхищаются, население используется как дешевая рабочая сила западными мультинациональными капиталистическими корпорациями. Следовательно, не только понятие расплывчато, но и уязвим сам тезис о модернизации.

Сохраняющаяся актуальность

Постмодернистские теории о закате модерна привели к переоценке данного понятия. Некоторые социологи утверждают, что мы вступаем в период не постмодерна, а позднего или рефлексивного модерна [Giddens, 1990]. Речь идет не о траурном колокольном звоне по модерну, но о раскрытии его негативных аспектов (например, о загрязнении окружающей среды), которые дестабилизируют общественную жизнь по мере утраты прежней веры в науку и ее истинность и ослабления уважения к авторитетам. Юрген Хабермас утверждал, что теоретики постмодерна слишком рано разуверились в том, что он рассматривал как амбициозный проект модерна [Habermas, 1983], многие существенные детали которого не были полностью реализованы и должны быть скорее усилены, чем отброшены. Многое необходимо сделать для обеспечения демократического участия, уравнивания жизненных шансов в разных социальных классах, создания подлинного гендерного равенства и т.д. В итоге можно говорить о том, что модерн — это незавершенный проект, заслуживающий того, чтобы стремиться к его реализации, а не к сворачиванию.

Более современный корпус исследовательской работы основывается на понятии «множественные модерны» или «множественные современности», предполагающем критику незаконного сплава модернизации и вестернизации [Eisenstadt, 2002]. Эта идея противостоит более ранним предположениям о едином, линейном пути модерна и стандартизированной единообразной версии развития, в центре которой — модель западного общества. Эмпирические исследования процессов модернизации, шедших в различных частях мира, показывают, что эти предположения неверны. В действительности существовало множество различных путей к модерну [Wagner, 2012]. Япон-

ский модерн заметно отличается от американского, и, кажется, развивающаяся китайская модель будет также иметь свои особенности. Некоторые варианты модерна (даже в США) так и не стали, как это предсказывалось, полностью секулярными, сохранили свой религиозный характер, будучи при этом всецело индустриальными и нацеленными на постоянное технологическое развитие. Другие же (например, в Саудовской Аравии) не только явным образом религиозны, но и крайне избирательны в отношении того, что именно заимствовать у Запада, а что сохранять в качестве собственной уникальности. Похоже, программа множественных модернов дает более реалистичные оценки и может вдохнуть новую жизнь в понятие «модерн».

Литература

Bauman Z. Legislators and Interpreters: On Modernity, Postmodernity and Intellectuals. Cambridge: Polity, 1987.

Berman M. All That is Solid Melts into Air: The Experience of Modernity. London: Verso, 1983.

Eisenstadt S.N. Multiple Modernities // Eisenstadt S.N. (ed.). Multiple Modernities. New Brunswick, NJ: Transaction, 2002. P. 1–30.

Giddens A. The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity, 1990.

Habermas J. Modernity — an Incomplete Project // Foster H. (ed.). The Anti-Aesthetic. Port Townsend, WA: Bay Press, 1983. P. 3–15; см. также рус. пер.: *Хабермас Ю.* Модерн — незавершенный проект // Вопросы философии. 1992. № 4. С. 40–54.

Rostow W.W. The Stages of Economic Growth. Cambridge: Cambridge University Press, 1961.

Wagner P. Modernity: Understanding the Present. Cambridge: Polity, 2012.

Williams R. Keywords: A Vocabulary of Culture and Society. London: Fontana, 1987.

ОБЩЕСТВО (SOCIETY)

Рабочее определение

Понятие «общество» используется для описания структурированных социальных отношений и институтов в большом сообществе людей, которое не может быть сведено к простой совокупности или скоплению индивидов.

Происхождение понятия

История понятия может быть прослежена начиная с XIV века, когда основными его значениями были «товарищество», «объединение». Такое ограничение значений можно до сих пор видеть в восходящем к XVIII веку употреблении это термина для описания верхних слоев общества («высшее общество»). Термин использовался также для обозначения групп людей с одинаковыми пристрастиями и взглядами, к примеру, «Общество друзей» (квакеры) или различные научные общества. Однако имелось и более общее и абстрактное значение, которое начало приобретать более строгие очертания с конца XVIII века [Williams, 1987]. Именно исходя из такого значения в XIX веке было выработано специфически социологическое понятие «общество».

Можно привести веские аргументы в пользу того, что «общество» стало ключевым понятием социологии: Эмиль Дюркгейм использовал его для учреждения новой дисциплины, имеющей дело с коллективной реальностью человеческой жизни (в отличие от изучения жизни индивидов). Дюркгейм рассматривал общество как независимую реальность, реальность *sui generis*¹, существующую на собственных основаниях и оказывающую существенное влияние на индивидов внутри ограниченной территории [Durkheim, 1984]. Концепция общества, принадлежавшая Э. Дюркгейму, занимала центральное положение в социологии на протяжении большей части XX века и стала серьезно оспариваться лишь в середине 1970-х годов. Теории формирующегося нового глобального уровня социальной реальности и теории глобализации поставили под вопрос дюркгеймовское понимание общества, сформированное, по сути, на основе национального государства. Изучение социальных процессов на глобальном уровне привлекло внимание исследователей к движению поверх государственных границ людей, товаров и культуры; с 2000-х годов раздаются голоса, предлагающие вывести социологию за пределы обществ и обратиться к потенциально более продуктивному анализу в терминах мобильности².

¹ Единственный в своем роде (лат.). — Примеч. ред.

² См. подробнее: [Urry, 2000; 2007]. — Примеч. ред.

Значение и интерпретация

В социологии понятие «общество» играло фундаментальную роль для собственной идентификации социологов. Многие словари и энциклопедии утверждают как неоспоримый факт, что социология — это наука об обществах, которые определяются как большие сообщества людей, живущих на ограниченных территориях, называемых национальными государствами. Толкотт Парсонс добавляет к этому определению еще один важный признак — способность общества к самосохранению: институты, образующие общество, должны его воспроизводить без какой-либо сторонней поддержки. Безусловно, на протяжении большей части истории дисциплины социологи изучали, сравнивали и противопоставляли друг другу определенные общества и их главные признаки; разработанные на основе этих исследований типологии показывают это со всей очевидностью. Целью давнего деления на общества Первого, Второго и Третьего мира была фиксация данных о существенных различиях в уровнях национального богатства и экономического производства во всем мире. Современные дискуссии о разных условиях и перспективах жизни в развитых и слаборазвитых странах выполняют аналогичную функцию. Подобные типологии оказались полезными для привлечения внимания к проблеме глобального неравенства, равно как и к вопросам власти. Тем не менее такие скупые описания почти ничего не говорят о неравенстве и власти *внутри* национальных государств.

Предпринималось и множество попыток понять социальные изменения путем выделения одной специфической движущей силы, что привело к появлению многочисленных теорий индустриального общества, постиндустриального общества, капиталистического общества, общества постмодерна, общества знаний, общества риска и многих других. Все эти теории социальных изменений коренятся в основанной на национальном государстве дюркгеймовской концепции общества, однако искушение экстраполировать один аспект социальных изменений в качестве определяющего на все общества показывает серьезные ограничения этой концепции.

Критические замечания

Теоретическая проблема, связанная с рассматриваемым понятием, заключается в относительно статичном, своего рода вещ-

ном характере общества. Порой это создает впечатление, что общество и индивид самостоятельны для рассмотрения. Многим социологам такой дуализм видится как бесполезный и вводящий в заблуждение. Прежде всего, это относится к Норберту Элиасу, чья исследовательская работа была описана как разновидность «социологии процесса», привлекающая внимание к изменяющимся отношениям на различных уровнях: от межличностных взаимодействий до межгосударственных конфликтов [Elias, 2000]. Элиас, возможно, был первым, кто освободился от подобных оппозиций, видя в них наследие западной философии и препятствие для социологического мышления и анализа.

С конца XX века понятие «общество» было подвергнуто еще более жесткой критике, и это связано с осознанием того факта, что наднациональные социальные силы посягают на способность национальных государств определять собственную судьбу. Глобализация породила серьезную неудовлетворенность понятием «общество», которое, как представляется, не способно отразить динамику глобальных социальных изменений. Крупные мультинациональные корпорации в настоящее время имеют прибыли, превышающие валовой внутренний продукт многих развивающихся стран, и перемещаются по всему миру в поисках дешевой рабочей силы и благоприятных экономических условий. Национальные правительства вынуждены объединяться для того, чтобы не оказаться втянутыми в «аукционы нищих», на которых торгуется создание низкооплачиваемых рабочих мест. Террористические группы (например, Аль-Каида) организуются, привлекают новых сторонников и осуществляют атаки в разных частях мира, что делает необходимой международную кооперацию для эффективной борьбы с ними. Эти и многие другие примеры показывают, что действия на наднациональном уровне становятся более важными для формирования общественной жизни, и перед исследователями возникает задача поиска способов их теоретического осмысления. Возможно, в настоящее время понятие «общество» скорее препятствует, чем способствует пониманию глобальных процессов.

Недавний пример попыток выйти за «пределы обществ» — проект «мобильностей» Джона Урри [Urry, 2007]. Автор проекта не отрицает полностью власть общества, но настаивает на существовании других могущественных сущностей, включая мультинациональные организации, региональные блоки и др.

В основе этого проекта лежит предположение, что социология должна стать наукой о мобильностях (то есть о процессах движения через национальные границы), которые играют все более важную роль в повседневной жизни людей.

Сохраняющаяся актуальность

Учитывая быстрый рост глобализации и обширный корпус исследований ее контуров и будущих направлений, некоторые специалисты утверждают, что у понятия «общество», предполагающего множество независимых национальных государств, нет будущего. Хороший пример тому — исследования Джона Урри о «мобильностях» [Urry, 2000; 2007]. Глобализация предполагает более быстрое и экстенсивное движение в мире людей, товаров, образов, финансов и много другого, что изменяет сами способы, какими мы мыслим об обществах и их изучаем. Основной тенденцией в социологии была работа с фундаментальным понятием «общество», рассматриваемым как связанное целое, более или менее соответствующее национальному государству. Главным допущением было то, что государства являются достаточно сильными, чтобы регулировать и контролировать свое собственное развитие; тем самым национальные государства могут двигаться по различным траекториям. Однако глобальные сети и потоки становятся более эффективными и могущественными, они пересекают национальные границы, которые сейчас кажутся гораздо более проницаемыми, чем раньше. В контексте глобализации понятие общества становится менее релевантным для возникающей социологии XXI века. Задача современных социологов — разработать способы понимания разнообразных видов мобильности и того типа социальной жизни, который они производят.

Социологи, придерживающиеся противоположной парадигме мобильности точки зрения, полагают, что понятие «общество» сохраняет фундаментальное значение для современной социологии [Outhwaite, 2006]. Представление о том, что понятие «общество» не имеет большой ценности, отчасти основывается на утверждении, что национальные государства перестают играть ключевую роль в делах человека. Но это мнение не кажется убедительным. Общества, основанные на государственных образованиях, продолжают быть крупнейшими «единица-

ми выживания», способными мобилизовать огромные массы людей для защиты своей территории. Уступая отдельные элементы суверенитета крупным региональным блокам, таким как Европейский союз, государства сохраняют значительную часть своей власти. У. Аутвейт утверждает, что общество есть также коллективное представление, поэтому понятие о нем резонирует с восприятием людьми социальной реальности в той мере, в какой она проживается ими.

Литература

Durkheim E. The Division of Labour in Society. London: Macmillan, 1984 [1893]; см. также рус. пер.: Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991.

Elias N. The Civilizing Process: Sociogenetic and Psychogenetic Investigations. Oxford: Blackwell, 2000 [1939]; см. также рус. пер.: Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования: В 2 т. М.; СПб.: Университетская книга, 2001.

Jenkins R. Foundations of Sociology: Towards a Better Understanding of the Human World. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2002 (esp. Ch. 3).

Outhwaite W. The Future of Society. Oxford: Blackwell, 2006.

Urry J. Sociology Beyond Societies: Mobilities for the Twenty-First Century. London: Routledge, 2000; см. также рус. пер.: Урри Д. Социология за пределами общества: виды мобильности для XXI столетия. М.: Изд. дом ВШЭ, 2012.

Urry J. Mobilities. Cambridge: Polity, 2007; см. также рус. пер.: Урри Д. Мобильности. М.: Праксис, 2012.

Williams R. Keywords: A Vocabulary of Culture and Society. London: Fontana, 1987.

ПОСТМОДЕРН (*POSTMODERNITY*)

Рабочее определение

Исторический период, следующий за модерном. Он менее четко определен и более плюралистичен и социально разнообразен, чем предшествующий ему модерн. Считается, что постмодерн начал развиваться в 1970-е годы.

Происхождение понятия

В социальной теории «постмодернистский поворот» начался в середине 1980-х годов, однако в культуре и искусстве понятие «постмодерн» появилось почти на 10 лет раньше. К примеру, в архитектуре родился новый стиль, использовавший элементы уже существующих стилей, в результате чего возникали необычные здания (такие как постройки Ллойда в Лондоне), которые каким-то образом «работали». Этот метод игривого смешения и соединения различных стилей был описан как постмодерн. В кинематографе странные миры были созданы режиссером Дэвидом Линчем (см. его фильм «Синий бархат», 1986), смешивающим исторические периоды и объединяющим экстремальное насилие и сексуальные девиации со старинными романтическими и моральными нарративами. Постмодерн прослеживается и в других вида искусства, а в конце 1980-х годов это понятие подхватывают и социальные науки.

Ключевой работой о постмодерне стало «Состояние постмодерна» Жана-Франсуа Лиотара, в которой он формулирует тезис о том, что характерные черты общества модерна утратили свое центральное значение [Lyotard, 1984]. Так, наука, говорит Лиотар, игравшая доминирующую роль в эпоху модерна, лишилась своей легитимности, поскольку люди начинают стремиться к другим, более локальным, формам знания, например, древним народным знаниям или религиозным и обыденным верованиям. Смещение научного знания с центральных позиций, по Лиотару, является симптомом возникновения общества постмодерна. Среди исследователей, труды которых оказали значительное влияние на теорию постмодерна, можно также назвать Зигмунта Баумана [Bauman, 1992; 1997] и Жана Бодрийяра [Baudrillard, 1983; 1995].

Значение и интерпретация

Теория постмодерна разнообразна, а его теоретики отдают предпочтение различным элементам, так или иначе связанным с предполагаемым сдвигом к обществу постмодерна. Одним из главных объектов критики со стороны большинства постмодернистов является попытка социальных теоретиков — от О. Конта и К. Маркса до Э. Гидденса — определить направление и форму

истории. Для этих теоретиков процесс исторических изменений структурирован и имеет определенную и прогрессивную направленность. В марксистской теории, к примеру, прогрессивное движение направлено от капитализма к более эгалитарным обществам социализма и коммунизма. Однако постмодернисты отвергают подобное большое теоретизирование.

Доверие, которое до этого люди оказывали научному знанию, политической власти и прогрессу человечества, стало разрушаться по мере того, как страхи возможной ядерной войны или экологической катастрофы наряду с продолжающимися конфликтами и случаями геноцида пробили цивилизованную оболочку общества модерна. Лиотар описывает эти процессы как разрушение метанарративов — больших повествований о непрерывном прогрессе, который оправдывал уважение к ученым, экспертам и профессионалам. Мир же постмодерна плюралистичен и разнообразен. Его олицетворением служит Всемирная паутина, кишасящая образами, изображениями и другими материалами почти любой культуры мира. Веб-сёрфинг может стать опытом случайного и произвольного, так как в Сети мы сталкиваемся с широким кругом ценностей и идей, сильно отличающихся от наших собственных. Такой потенциально дезориентирующий опыт типичен для культуры постмодерна, насыщенной массмедийным контентом.

Жан Бодрийяр утверждает, что медиа разрушили наши отношения с прошлым, создав хаотичный, пустой мир, в котором на общество оказывают влияние, прежде всего, знаки и образы. Для Бодрийяра подъем массмедиа размывает границы между реальностью и ее представлением, оставляя лишь гиперреальность, в которой мы и живем. В гиперреальном мире наше восприятие событий и понимание нами социальных процессов становится во все большей степени зависимыми от массмедиа — например, от телевидения. Цель провокационных работ Бодрийяра «Войны в заливе не будет» и «Войны в заливе не было» — показать, каким образом первичные события реального мира (например, военные действия в Кувейте) и вторичные медиасообщения о них составляли части одной гиперреальности [Baudrillard, 1995].

Продуктивный способ размышления о постмодернистских идеях в социологии — это различение между основными догматами постмодернистов о социальных изменениях и способ-

ностью социологической теории их описывать и объяснять. Быстрый рост и распространение массмедиа, новые информационные технологии, увеличение передвижений через национальные границы, исчезновение классовой идентичности и возникновение мультикультурного общества — все эти изменения, по мнению постмодернистов, ведут к заключению, что мы больше не живем в мире модерна, упорядоченном национальными государствами. Модерн мертв, и мы вступаем в эру постмодерна. Тогда встает вопрос: может ли современная (*modern*) социология быть адекватным инструментом для анализа мира постмодерна, то есть существует ли *социология постмодерна*? Или все постмодернистские изменения настолько радикальны, что понятия и теории модерна для их исследования совершенно неприменимы? Нужна ли нам *постмодернистская социология* для изучения мира постмодерна?

Критические замечания

У теории постмодерна есть множество критиков. Некоторые социологи утверждают, что теоретики постмодерна — это пессимисты и капитулянты, настолько потрясенные темной стороной модерна, что готовы выбросить за борт и его позитивные аспекты. Тем не менее у эры модерна есть и очевидные преимущества: ценность равенства, индивидуальная свобода и рациональные подходы к социальным проблемам. Существуют социальные изменения, описываемые в теории постмодерна, которые слабо подтверждены эмпирическими исследованиями. К примеру, соображение о том, что социальный класс и другие формы коллективной организации уже не структурируют жизнь общества, отдавая человека на милость образам массмедиа, является сильным преувеличением. Несмотря на то что сейчас есть и другие источники для формирования человеческой идентичности, социальный класс остается ключевой детерминантой социальной позиции человека и его жизненных шансов [Callinicos, 1990].

Аналогичным образом, очевиден тот факт, что медиа играют гораздо более важную роль, чем в предыдущие исторические периоды, однако из этого вовсе не следует, что люди пассивно «впитывают» медиаконтент. Множество исследований показывают, что телезрители, к примеру, активно воспринимают и интерпретируют медиаконтент, осмысливая его по-своему.

С изобретением Всемирной паутины появилось множество альтернативных источников информации и развлечений, которые основываются на взаимодействиях между производителями и потребителями, создающих множество критических комментариев и переоценок господствующих медиапродуктов. Наконец, даже если некоторые изменения, предполагаемые постмодернистами, все же подлинны и значимы, очевидность их вклада в радикальный сдвиг в сторону от модерна остается, тем не менее, предметом множества теоретических споров.

Сохраняющаяся актуальность

Понятие «постмодерн» было обречено на то, чтобы стать предметом острых дискуссий, поскольку сама социология укоренена в модернистском подходе. Какая нужда будет в социологической науке, если мы оставим попытки понимания и объяснения социальной реальности и не будем применять получаемые знания для ее улучшения? Тем не менее теория постмодерна оказала долговременное воздействие на развитие дисциплины. Открытие множества точек зрения и различных интерпретаций одной и той же социальной реальности означает, что социологи больше не могут принимать как непроблематичное существование в обществе общей культуры и коллективных ценностей, а должны быть чувствительными к культурному многообразию.

Джим Макгиган предлагает интересный подход к дебатам вокруг модерна и постмодерна [McGuigan, 2006]. Он утверждает, что современные общества с культурной точки зрения должны рассматриваться как общества постмодерна, но в других аспектах глобальный модерн, особенно капиталистическая экономика, остается незатронутым. Иными словами, мы не живем в эру постмодерна и не держим курс на нее, но имеем множество примеров культуры постмодернизма. Постмодернизм не ограничен небольшим художественным авангардом, но может быть обнаружен в глобальных культурных продуктах (так же как в академических и философских идеях). Подобно Ф. Джеймисону [Jameson, 1991] и другим теоретикам, Макгиган полагает, что модерн и постмодерн не противостоят друг другу, а взаимодополняемы. После того как стандартизованное производство, обеспечиваемое фордистскими промышленными методами, уступило в 1970-х годах место нацеленным на разнообразие

производствам для нишевых рынков, индивидуализированная плюралистичная культура постмодерна кажется подходящей для возникающего способа производства.

Литература

Baudrillard J. Simulations. New York: SemioTex(e), 1983; см. также рус. пер.: *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляции. М.: Постум, 2015.

Baudrillard J. The Gulf War Did Not Take Place. Bloomington: Indiana University Press, 1995; см. также рус. пер.: *Бодрийяр Ж.* Дух терроризма. Войны в заливе не было. М.: РИПОЛ классик, 2016.

Bauman Z. Intimations of Postmodernity. London: Routledge, 1992.

Bauman Z. Postmodernity and its Discontents. Cambridge: Polity, 1997.

Callinicos A. Against Postmodernism: A Marxist Critique. Cambridge: Polity, 1990.

Jameson F. Postmodernism or the Cultural Logic of Late Capitalism. Durham, NC: Duke University Press, 1991.

Kumar K. From Post-Industrial to Post-Modern Society. 2nd ed. Oxford: Blackwell, 2005.

Liotard J.-F. The Postmodern Condition. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1984; см. также рус. пер.: *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. СПб.: Алетейя, 1998.

McGuigan J. Modernity and Postmodern Culture. 2nd ed. Buckingham: Open University Press, 2006.

РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ (*RATIONALIZATION*)

Рабочее определение

Длительный социальный процесс, в ходе которого традиционные идеи и верования замещаются методическими правилами и формальным, в терминах цели и средств, мышлением.

Происхождение понятия

Действовать рационально означает действовать разумно и продумывать поступки и их последствия до их совершения. Возникшая в XVII веке философская доктрина, известная как рационализм, противопоставляла знание, основанное на разуме и мышлении, знанию, укорененному в религиозных верованиях, и приобретенной мудрости. Несомненно, что рациональность

происходит из связи мышления, действия и производства знания. В социологии теория рационализации в обществе отсылает прежде всего к процессу, а не к фиксированному состоянию вещей, и является центральной в работах Макса Вебера. Для Вебера рационализация и устранение магического представляют собой длительный всемирно-исторический социальный процесс, который является фундаментом любого реалистического понимания отличительных особенностей модерна. В относительно недавних исследованиях дебаты были сфокусированы на том, остановился ли процесс рационализации в виду нового подъема религиозных и духовных верований или же он продолжается, хотя и в других формах.

Значение и интерпретация

Поскольку тезис Вебера о рационализации стал весьма влиятельным в социологии, мы сконцентрируем наше внимание на нем, а не на философских аргументах относительно разума и рационализма. Рационализация — это процесс изменений, начавшийся на Западе, в ходе которого все большее число аспектов общественной жизни стали определяться расчетами целей и средств их достижения и вопросами эффективности, что резко контрастирует с предшествующими периодами, когда традиционные практики, действия согласно обычаям и эмоциональные привязанности господствовали над человеческим мышлением и деятельностью. Вебер рассматривал рационализацию как процесс, который консолидировался не только развитием капиталистической экономики и ее потребностью в рациональных расчетах и измерениях, но и ростом научных институтов, продвигавших рациональное мировоззрение, а также бюрократией, которая стала господствующей и наиболее эффективной формой организации.

Вебер обсуждает рациональность в терминах ее четырех основных типов: практическая, теоретическая, субстанциальная и формальная [Kallberg, 1985]. Практическая рациональность наблюдается тогда, когда люди находятся в обычной для себя ситуации и их действия направляются, по существу, прагматическими соображениями о том, как эту ситуацию наилучшим способом использовать. Теоретическая рациональность имеет место, когда люди пытаются «овладеть реальностью» путем ос-

мысления собственного опыта, в поисках смысла жизни. Философы, религиозные лидеры, политические мыслители и теоретики права могут рассматриваться как выразители теоретической рациональности. Субстанциальная рациональность управляет действиями, используя набор ценностей в какой-либо сфере общественной жизни. К примеру, дружеские отношения, как правило, подразумевают взаимное уважение, преданность и взаимопомощь; именно этот ценностный набор регулирует человеческие действия в данном случае.

Четвертый веберовский тип, формальная рациональность, основан на расчете наиболее эффективных средств достижения определенных целей в контексте ряда общих или универсальных законов и правил. Рационализация в западных обществах предполагает рост и проникновение формальной рациональности и расчета во все большее количество областей общественной жизни по мере того, как бюрократия становится наиболее распространенной формой организации. Экономические решения являются в данном случае образцовой формой, хотя расчет целей и средств становится общим местом и во многих других сферах жизни. Рационализированная западная музыка, к примеру, использует универсальную систему нотации и измерения ритмических и тональных различий. Она кодифицируется и записывается, что позволяет каждому, кто способен прочесть ноты и владеет музыкальным инструментом, исполнить произведение выдающихся гениев. Музыка начинает определяться правилами, поддается счислению и становится более прогнозируемой, менее спонтанной, но и менее свободной и более предсказуемой.

По мере расширения капитализма и государственной бюрократии формальная рациональность постепенно встраивается в главные общественные институты, вытесняя иные формы. Вебер был прав, говоря о том, что данные процессы носят перманентный характер, так как безличная бюрократическая форма администрирования, которая была принята в офисной среде, на рабочих местах и в государственных учреждениях, является просто самым эффективным разработанным на данный момент методом организации. Путем вытеснения всех личных пристрастий и эмоциональных связей бюрократия обеспечивает занятие должностей самым квалифицированным работникам, а карьерный рост основывается на демонстрации компетентно-

сти и трудовых показателях. (Но необходимо помнить, что речь идет об идеальном типе!) Аналогичным образом, ведение двойной бухгалтерии, ассоциирующееся с капиталистическим производством, ориентированным на прибыль (с записью прихода и расхода) создает расчетливую ментальность, поощряющую инструментальное рациональное действие и, поскольку капиталистические компании становятся все больше, а их география расширяется, эффективное администрирование приобретает все большую важность как условие их существования.

Несмотря на то что Вебер полагал распространение формальной рационализации неизбежным, он также отчетливо видел в этом некоторые опасности. Стремление к эффективности и технический прогресс порождают обезличенность в обществе, которое становится внешней силой, контролирующей жизнь человека. Согласно одному из тезисов Вебера, общество заковывает себя в «железную клетку», перспектив выбраться из которой нет. Еще одно важное последствие рационализации — тенденция к доминированию средств над целями. Бюрократия — это средство для достижения таких целей, как эффективное обслуживание граждан, хорошо организованная система здравоохранения и социального обеспечения. Но со временем ее власть растет, бюрократия начинает жить своей жизнью, из слуги превращается в господина. Вебер рассматривает подобные процессы как рационализацию с иррациональными результатами, что можно наблюдать во многих сферах общества.

Критические замечания

По Веберу, рационализация не ведет с неизбежностью к прогрессивному развитию. Она может приводить и к противоположным результатам, и к новым социальным проблемам. Существует критика самого тезиса о рационализации. Несмотря на то что в мировой экономике продолжает господствовать капитализм, степень доминирования бюрократии в ее традиционной форме может быть поставлена под вопрос. За последние годы произошел рост более свободных форм организации, основанных в большей мере на сетевой структуре, чем на иерархической модели, описанной Вебером [Dijk, 2012]. Вопрос состоит в том, обеспечивают ли подобные сетевые организации наличие формальной рациональности. Рационализация также

связана с судьбой религии, но некоторые социологи утверждают, что религия, весьма далекая от того, чтобы сдать свои позиции, переживает, напротив, в конце XX века возрождение (возникновение религиозного фундаментализма, телеевангелизма и новых религий). Является ли это повторным околдовыванием мира, вступающим в противоречие с тезисом Вебера о рационализации?

Сохраняющаяся актуальность

Учитывая подъем постмодернизма в середине 1980-х годов и его критическую направленность, тезис Вебера о рационализации может показаться устаревшим, поскольку доверие к научному знанию ослабло, а повторное околдование мира, кажется, возрастает [Gane, 2002]. Однако тезис Вебера оказался чрезвычайно продуктивным и приложимым к современным социальным изменениям [Cook, 2004]. Два исследования сыграли важную роль в распространении и обновлении оригинальных идей Вебера. В работе «Актуальность Холокоста» Зигмунт Бауман отвергает аргументы, в соответствии с которыми нацистская политика и массовые убийства еврейского населения были, по существу, варварским (*uncivilized*) отклонением от основного направления модерна [Bauman, 1989]. Бауман показывает, что Холокост был бы невозможен без рационального, бюрократического управления, которое организовало транспортировку и учет, а также действия преступников и жертв. В этом смысле процессы рационализации не создают с неизбежностью защиту от варварства. Скорее, в соответствующем контексте они его усиливают.

Джордж Ритцер применил тезис рационализации к ресторанам быстрого питания [Ritzer, 2007]. Он отметил, что во времена Вебера бюрократическая организация представлялась идеально-типическим проводником для дальнейшей рационализации. К концу XX века таким проводником стали повсеместно распространенные сетевые рестораны быстрого питания, типа «Макдоналдс», чья стандартизированная продукция, высокоэффективное обслуживание, измеримые целевые показатели и единообразный потребительский опыт репрезентируют проникновение рационализации в самое сердце обществ потребления. Модель сети «Макдоналдс» была взята на вооружение

во многих сферах бизнеса и управления. Но, как утверждает Ритцер, подобная рационализация производит внутри себя собственные иррациональности: персонал деквалифицируется, его работа рутинизируется, опыт посетителей обедняется, отходы загрязняют местную среду. В рациональном стремлении уменьшить хаос и неопределенность процесс макдоналдизации создает новый тип «железной клетки».

Литература

Bauman Z. Modernity and the Holocaust. Cambridge: Polity, 1989; см. также рус. пер.: *Бауман З.* Актуальность Холокоста. М.: Европа, 2010.

Cook C. Who Cares about Marx, Durkheim and Weber? Social Theory and the Changing Face of Medicine // *Health Sociology Review*. 2004. Vol. 13. No. 1 (September). P. 87–97.

Dijk J. van. The Network Society. 3rd ed. London: Sage, 2012.

Gane N. Max Weber and Postmodern Theory: Rationalization versus Re-Enchantment. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2002.

Kalberg S. Max Weber's Types of Rationality: Cornerstones for the Analysis of Rationalization Processes in History // *American Journal of Sociology*. 1985. Vol. 85. No. 5. P. 1145–1179.

Ritzer R. The McDonaldization of Society. 5th ed. Thousand Oaks, CA: Pine Forge Press, 2007; см. также рус. пер.: *Ритцер Д.* Макдоналдизация общества 5. М.: Праксис, 2010.

СТРУКТУРА — ДЕЙСТВИЕ (*STRUCTURE/AGENCY*)

Рабочее определение

Понятийная дихотомия, укоренная в попытках социологов понять относительное равновесие между влиянием общества на индивида (структура) и свободой индивида действовать и формировать общество (действие).

Происхождение понятия

Несмотря на то что вопросы свободы воли человека были частью философских дискуссий на протяжении многих веков, в социологии они были переведены в проблему действия и структуры. Собственно, проблема является прямым результатом утверждения ранних социологов, что существуют общество и

социальные силы, ограничивающие выбор и свободу индивида. Герберт Спенсер и Огюст Конт рассматривали социальные структуры как группы, коллективы и совокупности индивидов, но именно дюркгеймовская идея социального факта и общества как целого, существующего на собственных основаниях, определила главную тему новой дисциплины. Возникший тип социологии сделал акцент на том, как индивиды создаются и формируются социальными структурами, которые являются внешними по отношению к ним и находятся вне их контроля. В рамках функционализма XX века Толкотт Парсонс разработал теорию действия, которая рассматривала социальные структуры менее вещно и сближала их с паттернами нормативных ожиданий и установками, управляющими допустимым поведением.

К 1960-м годам маятник качнулся в сторону от теорий структуры. Деннис Ронг и другие исследователи утверждали [Wrong, 1961], что структуралистские идеи оставили слишком мало места для творческих действий индивида, и многие социологи обратились к концепциям, больше сфокусированным на действии, таким как символический интеракционизм, феноменология и этнометодология. Этот сдвиг был частью возникавшего тогда теоретического плюрализма, который современными студентами-социологами воспринимается как нормальное положение дел. При этом с 1980-х годов предпринимались попытки теоретически интегрировать действие и структуру. Характерными для такого подхода являются работы М. Арчер [Archer, 2003], П. Бурдьё [Bourdieu, 1986], Э. Гидденса [Giddens, 1984] и Н. Элиаса [Elias, 2000].

Значение и интерпретация

«Структура — действие» является одной из нескольких связанных понятийных дихотомий в социологии, включая такие как «макро — микро» и «общество — индивид». Различие между структурой и действием, вероятно, самое устойчивое деление, что заставило Алана Доу [Dawe 1971] говорить о существовании «двух социологий» с противоположными предметами, исследовательскими методами и стандартами подтверждения. Даже для тех, кто не склонен вдаваться в подробности, очевидно, что дихотомия «структура — действие» основополагающа для практики социологического исследования.

Может показаться, что исследователи социальной структуры рассматривают крупномасштабные феномены на макроуровне, игнорируя действия отдельного индивида, в то время как исследователи действия фокусируются на индивидуальных поступках на микроуровне. Это неплохое эмпирическое правило, но структурированные взаимодействия и отношения на микроуровне предполагают исследование индивидуальных действий; и наоборот, можно утверждать, что не только индивиды, но и коллективные сущности, такие как профсоюзы, социальные движения и корпорации, способны действовать и тем самым совершать творческие акты, формирующие социальную жизнь. Следовательно, между дихотомиями «структура — действие» и «макро — микро» нет полного соответствия.

Такие социальные структуры, как классовая система, семья или экономика, образованы устойчивыми социальными взаимодействиями, которые могут со временем меняться. К примеру, классовая система претерпела существенные изменения в результате общего увеличения уровня доходов, появления конкурирующих форм идентичности (таких как гендер или этничность) и создания новых форм занятости и найма. Однако эта система остается классовой: человек рождается в ней, и именно она оказывает главное влияние на его жизненные шансы. Аналогично, институт семьи сейчас сильно отличается от того, каким он был полвека назад, так как общество приобрело мультикультурный характер, больше рабочих мест стали занимать замужние женщины, а количество разводов резко увеличилось; но семья продолжает осуществлять важнейшие функции социализации, обеспечивая необходимую для жизни подготовку. На общем уровне социальные структуры создают порядок и организуют различные сферы внутри общества.

Для некоторых исследователей принять понятие «социальная структура» довольно трудно: в лучшем случае социальные структуры — это эвристические понятия, сконструированные фикции, созданные социологами специально для содействия собственным исследованиям; в худшем — реификация, незаконная конкретизация того, что в действительности является изменчивыми множествами социальных отношений. Ключевой элемент интеракционизма — интерпретация ситуаций, на которые влияют другие и которые подразумевают определенную рефлексивность. Отсюда следует, что неизменные организую-

щие структуры, предлагаемые теоретиками, текучи, непостоянны и открыты к переменам. Сравнительно мирная, мягкая, или «бархатная», революция 1989 года в Чехословакии показывает, насколько быстро по видимости прочные социальные структуры и институты могут разрушиться в результате творческого действия индивидуальных или коллективных агентов.

Разделение на «две социологии» может рассматриваться как проблема для дисциплины, поскольку изучение действия без структуры и структуры без действия сведет социологическое воображение к неполным описаниям социальной реальности. Решение видится в нахождении продуктивного способа соединения структуры и действия, который сохранил бы достоинства обоих понятий, но при этом позволил бы выйти за пределы их дихотомии.

Критические замечания

Один из способов переформулирования проблемы был предложен К. Марксом: люди действительно делают историю (действие), но в условиях, которые не являются предметом их свободного выбора (структура). Теория структуризации Гидденса кое-чем обязана этой идее [Giddens, 1984]. Для Гидденса структура и действие предполагают друг друга. Структура *способствует* действию, а не просто ограничивает его. Она делает возможной творческую активность, но повторяющиеся действия множества индивидов работают на воспроизводство и трансформацию социальной структуры. В центре теории Гидденса находятся социальные практики, упорядоченные в пространстве и во времени, и именно благодаря им воспроизводятся социальные структуры. Однако Гидденс рассматривает структуру не как абстрактные, господствующие внешние силы, а как правила и ресурсы, делающие возможным воспроизводство социальных практик во времени. Эта дуальность структуры есть способ переосмысления предшествующей дихотомии.

Теория Пьера Бурдьё также стремится перекинуть мост между структурой и действием. Для этого Бурдьё использует понятие «практика». Люди обладают внедренными усвоенными ментальными структурами (габитус), позволяющими им иметь дело с социальным миром и понимать его. Габитус есть продукт длительного периода обживания социального мира исходя из

определенной позиции (например, классового положения). Индивидуальные габитусы поэтому в значительной степени разнятся. Как и Гидденс, Бурдьё рассматривает множество практик, проистекающих из этой разницы, но для него практики всегда имеют место внутри «поля», то есть внутри некоторой сферы общественной жизни (искусство, экономика, политика, образование и т.д.). Поля — это арены конкурентной борьбы с использованием различных ресурсов (типов капитала). Таким образом, в этой модели структура и действие также рассматриваются не как противоположные, а как неразрывно связанные.

Сохраняющаяся актуальность

Вряд ли проблема структуры и действия будет когда-либо решена к всеобщему удовлетворению. В недавних теоретических исследованиях заметно, что Гидденс работает, скорее, из перспективы действия, в то время как подход Бурдьё ближе к структурному. Будет ли достигнута подлинная интеграция, вопрос спорный. В будущем более эмпирические и исторические исследования, возможно, прольют свет на относительное равновесие структуры и действия в определенные исторические периоды, в отдельных обществах и сферах социальной жизни.

Например, в ходе сравнительного эмпирического исследования перехода из школы на работу в Канаде и Германии были изучены решения молодых людей продолжить образование в университете или пройти профессиональное обучение [Lehmann, 2007]. Отвергая представление о том, что структуры, такие как социальный класс, разрушились, расчистив дорогу крайне индивидуализированным формам идентичности, это исследование показало, что социальные структуры продолжают иметь важнейшее значение в формировании шансов и возможностей, доступных человеку. Однако структура не определяет полностью габитус и диспозиции людей. В. Леманн говорит об активном вовлечении молодежи в структурный, институциональный, исторический и культурный контексты, формирующие восприятие собственной позиции в социальной структуре. Результатом становится решение и выбирается дальнейший путь. Вместо «обучения труду», как это было в знаменитом исследовании воспроизводства классов П. Уиллиса [Willis, 1977], молодые люди «выбирают работу».

Научное издание
Серия «Социальная теория»

ЭНТони ГИДДЕНС, ФИЛИП У. САТТОН

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ В СОЦИОЛОГИИ

Главный редактор
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Заведующая книжной редакцией
ЕЛЕНА БЕРЕЖНОВА

Редактор
ТАТЬЯНА СОКОЛОВА

Художник
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Верстка
ЮЛИЯ ПЕТРИНА

Корректор
ЕЛЕНА АНДРЕЕВА

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20,
тел.: (495) 772-95-90 доб. 15285

Подписано в печать 11.12.2017. Формат 60×90/16
Гарнитура Minion Pro. Усл. печ. л. 21,0. Уч.-изд. л. 16,8
Печать офсетная. Тираж 1000 экз.
Изд. № 2069. Заказ №

Отпечатано в АО «ИПК «Чувашия»
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 13
Тел.: (8352) 56-00-23